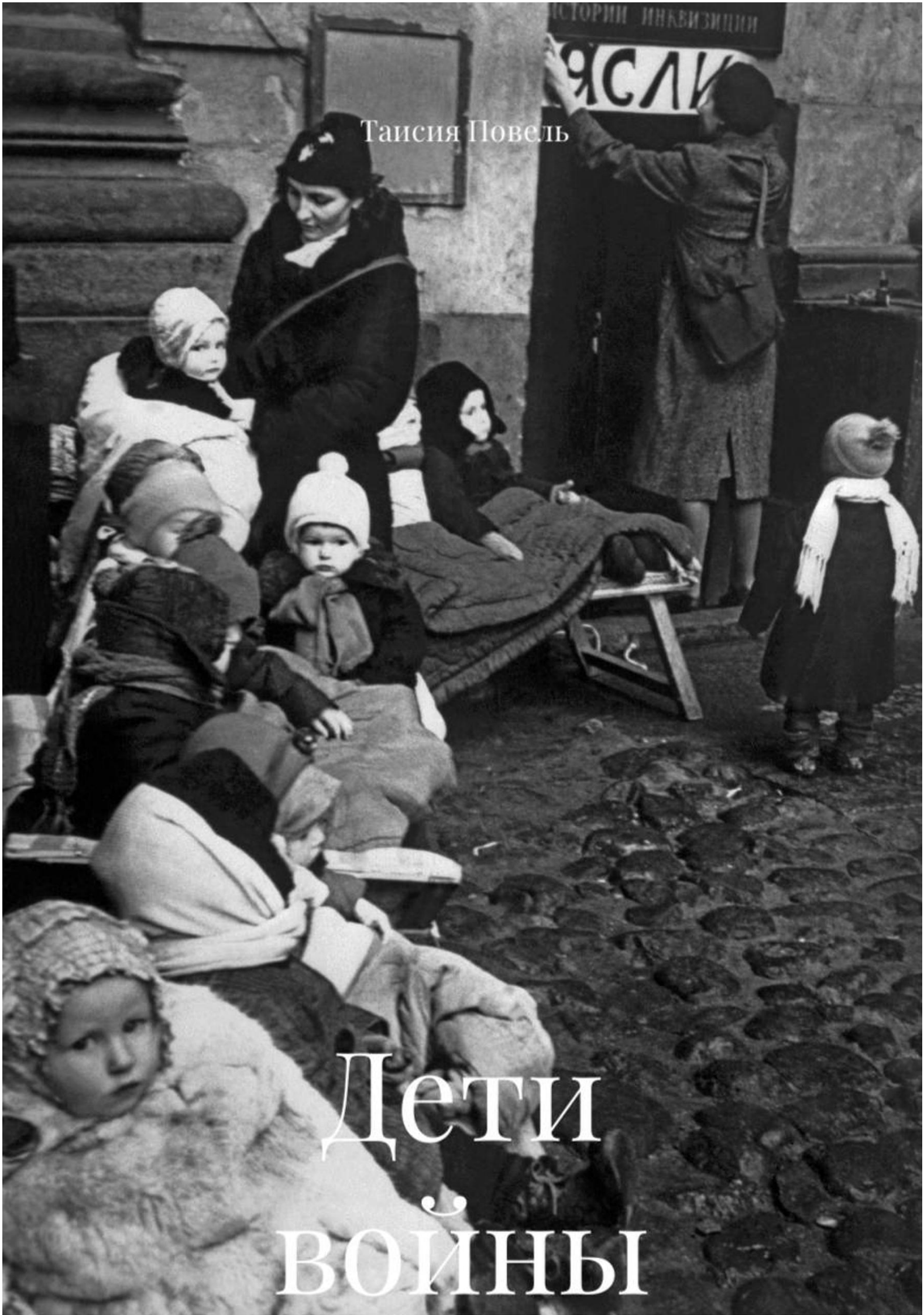

Таисия Повель

Дети войны

Таисия Повель

Дети войны

«Автор»
2026

Повель Т.

Дети войны / Т. Повель — «Автор», 2026

«Дети войны» — повесть о блокаде Ленинграда глазами девочки Веры. Среди холода, голода и обстрелов она учится держаться за самое важное: семью, память, маленькие знаки тепла. Сквозь её дневник оживают будни осаждённого города — и тихая сила тех, кто, едва держась на ногах, всё равно помогал другим. Это история о взрослении среди беды и о том, как даже в самые тёмные дни люди берегли друг друга.

© Повель Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 10
Глава 5 11
Глава 6 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Таисия Повель
Дети войны

Глава 1

Был конец мая 1941 года. Погода стояла солнечная, яркая, и казалось, что лето уже вовсю хозяйничает в городе. В семье Скворцовых и правда уже чувствовались его нотки: взрослые — Михаил и Валерия — каждые выходные собирались на дачу. Их дочка, шестилетняя Верочка, носилась по квартире, помогая собираться так, что от её «помощи» становилось только больше суеты.

— Верочка, стой хоть на минуту! — смеясь, просила Валерия, пытаясь сложить в корзину полотенце и банку варенья. — Ты мне все пирожки перепутаешь!

— А я хочу скорее! Там же ребята уже, наверное, на полянке! — Вера подпрыгивала у двери, будто если будет прыгать выше, поезд тронется быстрее.

Михаил улыбнулся, накинул на плечо сумку потяжелее и спокойно сказал:

— Успеем. Лето длинное. А если будем торопиться, забудем самое главное.

— Самое главное — это конфеты! — тут же выпалила Вера.

— И конфеты тоже, — кивнул Михаил. — Но ещё главное — чтобы мама не забыла платок. И чтобы ты не забыла, как пахнет укроп с грядки.

Вера на секунду замерла, будто проверяла: а правда ли это «главное»? Потом снова заёрзала:

— Пап, ну какой укроп? Он горький! Я лучше буду есть клубнику. Или просто конфеты.

Валерия присела на край скамьи, притянула дочку к себе на колени, хотя Вере уже казалось, что она слишком большая для такого:

— Знаешь, солнышко, мы с папой не потому всё это возим и копаемся в земле, что нам так нравится грязь на платьях. Просто жизнь бывает разной. Иногда магазины есть, а иногда их нет. А земля никуда не денется. Она просто ждёт.

Вера нахмурилась, пытаясь удержать в голове эту непонятную мысль, и вдруг выпалила:

— А если магазин пропадёт, мы будем есть… макароны?

Михаил тихо рассмеялся:

— Ну, макароны — это хорошо. Но лучше, когда ещё и огурцы свои, и картошка. Чтобы было из чего суп сварить.

— А я не люблю суп, — тут же буркнула Вера. — Я люблю конфеты и макароны.

Валерия погладила её по волосам и улыбнулась:

— Ладно. Сегодня — макароны. А завтра посмотрим, может, и суп понравится. Главное, чтобы ты знала: если вдруг станет трудно, мы не останемся без еды. Мы умеем о себе позаботиться.

Вера не очень поняла, что значит «станет трудно», но ей понравилось, что мама говорит это так спокойно, будто никакой беды и быть не может.

Июнь в Ленинграде выдался жарким. Вера сидела на подоконнике, болтая ногами, и считала дни до июля.

— Мам, а в июле мне будет семь! — снова и снова повторяла она. — А в сентябре я пойду в школу, в первый класс. Там будут парты и учительница, и, наверное, можно будет есть конфеты на переменах.

Валерия стояла у окна, развешивая бельё, и улыбалась:

— На переменах конфеты, может, и нельзя. Зато можно будет учиться писать буквы. Ты ведь хочешь писать?

— Хочу! — кивнула Вера. — Чтобы потом тебе письма писать. И чтобы все видели: я уже большая, я в школе!

Михаил, проходя мимо, подмигнул:

— Большая. Только вот про огород не забывай. Большая — значит, можешь и помочь.

Вера скорчила гримасу, но уже без злости, скорее по привычке:

— Ладно… Может, я буду носить воду. Это ведь тоже по-взрослому?

— По-взрослому, — серьёзно кивнул Михаил. — Очень по-взрослому.

Родители с дочкой и правда умаялись: её ни покормить толком, ни за дело посадить. Сегодня Вера отказывалась есть всё, кроме макарон, и приговаривала:

— Это вкусно. А остальное — нет.

— Ну хоть ложечку супа? — вздыхала Валерия.

— Нет! — решительно мотала головой Вера. — Суп — это когда холодно. А сейчас жарко. Сейчас надо конфеты.

И Михаил, и Валерия переглянулись. В этом взгляде не было ни упрёка, ни отчаяния — только тихая усталость и нежность: они знали, что переубедить её сейчас невозможно, и просто радовались, что она смеётся, капризничает и хочет конфет. Что она пока просто ребёнок, которому хочется лета, дня рождения и школы.

Глава 2

А лето всё стояло, жаркое и солнечное, будто хотело подарить как можно больше дней, в которых нет ничего, кроме солнца, разговоров и маленьких детских «нет» и «хочу».

Первые июньские дни в Ленинграде выдались на редкость светлыми. Город будто стряхивал с себя остатки весны и примерял летнее настроение: на проспектах пахло разогретым асфальтом и сиренью, трамваи звенели веселее, а в скверах скамейки уже по утрам были тёплыми. Вера бежала по тротуару, придерживая бант, и всё время тянула родителей вперёд: ей казалось, что если идти слишком медленно, лето может закончиться, не успев начаться.

— Пап, ну давай быстрее! — дёргала она Михаила за рукав. — А то всё лето пропустим!

Михаил смеялся и нарочно замедлял шаг:

— Лето не убежит, Верочка. Оно большое. Ему спешить некуда.

Валерия тихо улыбалась, глядя на них, и в этой улыбке было что-то очень бережное, будто она хотела запомнить каждую мелочь: как падает свет на Верочкины косички, как она подпрыгивает на каждом шагу, как у неё щёки горят от ветра и радости.

А потом наступил день выпускного в детском саду — такой важный для Веры, хотя она и не знала этого слова. Для неё это был день, когда все дети надевают красивые платья, воспитательница говорит длинные речи, а в конце каждому дают коробочку с подарком.

В группе всё было торжественно. На стенах висели бумажные цветы, на пианино стояла ваза с настоящими тюльпанами, и даже стулья расставили по-особенному — полукругом, чтобы все друг на друга смотрели. Вера кружилась в своём платье с воланами и шептала подружке Лиде:

— Я теперь почти школьница! В сентябре пойду в первый класс. Буду писать буквы и всё-всё знать.

Лида серьёзно кивала, будто это была самая важная тайна:

— А я буду сидеть с тобой за одной партой. И если учительница будет строгая, я тебя не дам в обиду.

Вера хихикнула:

— Да она не будет строгая. Она же учительница. Она должна всё объяснять.

Когда началась торжественная часть, Вера стояла ровно, сложив руки, и старалась не ёрзать. Ей хотелось быть взрослой, собранной, такой, чтобы мама и папа посмотрели и сказали: «Вот какая у нас большая дочка». Воспитательница говорила про то, какими ребята стали за год: научились дружить, помогать, не бояться трудностей. Вера слушала и думала: «Трудности — это когда заставляют есть суп. А я теперь большая, я могу и суп съесть. Если надо».

В конце каждому ребёнку вручили коробочку, перевязанную лентой. В Вериной лежали блокнот в твёрдой обложке и карандаш с ластиком. Вера тут же открыла блокнот и написала на первой странице: «Я Вера Скворцова. Мне почти семь. Я иду в школу». Буквы получились неровные, некоторые совсем плясали, но ей было всё равно. Это были её первые настоящие буквы, написанные не в прописях, а для себя.

Дома она показала надпись родителям:

— Смотрите! Я уже пишу!

Валерия присела рядом, провела пальцем по буквам и сказала тихо, будто боялась спугнуть этот миг:

— Очень красиво, Верочка. Ты теперь не просто девочка, ты — писательница.

Вера нахмурилась, пробуя новое слово:

— Писательница… А что писать?

Михаил улыбнулся:

— Всё, что хочется. Хоть про конфеты, хоть про лето. Хоть про то, как скрипит песок на дорожке. Главное — чтобы это было твоё.

И Вера решила: она будет записывать всё. Каждый день. Чтобы потом, когда станет совсем взрослой, можно было открыть блокнот и снова почувствовать, как пахнет июнь.

Глава 3

Через несколько дней они выбрались к Неве. День был тёплый, но не жаркий, ветер с реки приносил свежесть и чуть щекотал кожу. Берег был не городской, а такой, где ещё чувствовалась природа: песок, редкие травинки, камни, обточенные водой. Вера скинула сандалии, закатала подол платья и побежала к воде, визжа от удовольствия, когда холодные брызги попадали на ноги.

— Осторожно, не уходи далеко! — крикнула Валерия, но Вера уже была там, где вода обнимала лодыжки и шептала что-то своё, речное.

Михаил сел на камень, снял кепку и подставил лицо ветру. Он смотрел, как Вера бегает по кромке, то забегая в воду, то отступая, будто проверяя: «А сейчас будет холодно? А сейчас?»

— Знаешь, пап, — вдруг сказала Вера, остановившись и глядя на широкую Неву, — она такая большая… Как будто знает всё на свете.

Михаил кивнул:

— Наверное, знает. Она видела столько дней и ночей, столько людей. Но сегодня она просто река. И сегодня она для тебя.

Вера наклонилась, зачерпнула ладонью воду и поднесла к лицу, будто хотела запомнить её вкус — чуть солоноватый, речной, с привкусом ветра. Потом она села рядом с Михаилом на тёплый камень и сказала серьёзно, по-взрослому:

— Я хочу запомнить этот день. Чтобы, когда я стану старой, я могла вспомнить: вот я сижу, рядом папа, и Нева шумит, и лето пахнет травой.

Михаил обнял её за плечи, прижал к себе на мгновение и тихо сказал:

— Запоминай. Я тоже буду помнить.

Валерия стояла чуть поодаль, смотрела на них и улыбалась. В этой улыбке было столько нежности и тихой тревоги, что она сама не заметила, как сжала в пальцах край платка. Ей хотелось остановить этот миг, удержать его, как удерживают в ладонях бабочку — не сдавливая, просто чтобы он ещё немного побыл рядом.

Они посидели так ещё немного, слушая реку, потом собрали вещи и пошли домой. Вера всю дорогу болтала про то, что нарисует дома Неву цветными карандашами, про то, что напишет в блокноте: «Сегодня мы ходили к реке, и вода была холодная, а камень тёплый». И в каждом её слове звучала эта детская уверенность, что лето бесконечно, что впереди только хорошее, что мир большой и добрый, и он ждёт, когда она его узнает.

Глава 4

21 июня выдалось таким, что само лето будто шептало: «Лови меня». Воздух был тёплый, густой от запаха цветущей липы, солнце стояло высоко и светило так щедро, будто хотело напитаться городом наперёд.

Вера выскочила во двор сразу после завтрака, едва накинув платье и сунув ноги в сандалии. У подъезда уже ждала Лида — та самая подружка из детского сада, с которой они теперь всё делали «на двоих».

— Верочка, скорее! — крикнула Лида, подпрыгивая у качелей. — Мы же договорились: сегодня бегаем до тех пор, пока ноги не устанут!

— А потом ещё немножко! — засмеялась Вера и понеслась следом.

Они носились между тополями, кружились на месте, пока не начинало кружиться в голове, и хохотали так, что даже старушки на лавочке улыбались, качая головами:

— Ну чисто вихри! Лето их подхватило и не отпускает.

Лида придумала игру: нужно было обежать вокруг дома, не наступая на трещины в асфальте. Вера спотыкалась, смеялась, снова бежала, а потом вдруг остановилась у клумбы, сорвала один увядший лепесток и аккуратно спрятала в кармашек: «На память».

— Лид, а ты помнишь, как мы на выпускном обещали сидеть за одной партой? — выдохнула Вера, присаживаясь на край бордюра.

— Конечно! — Лида села рядом, болтая ногами. — И если учительница будет задавать трудные примеры, мы будем друг другу подсказывать. Только тихо, чтобы она не услышала.

Вера кивнула, будто это был самый серьёзный договор в мире.

— И ещё… я буду тебе давать кусочек хлеба, если ты проголодаешься.

Лида посмотрела на неё с удивлением, но тут же улыбнулась:

— Ты что, думаешь, я такая голодная буду?

— Не знаю, — честно призналась Вера. — Просто мама говорит, что надо делиться. Даже если не очень хочется.

Лида на секунду задумалась, потом торжественно протянула Вере половинку мятной конфетки, которую прятала в кулачке:

— Тогда и я с тобой поделюсь. На будущее.

И они рассмеялись снова, и побежали дальше, и день летел легко, как одуванчиковый пух, и казалось, что впереди только солнце, школа, парты, конфеты и бесконечное лето.

Глава 5

Ночью прошёл короткий дождь — тихий, почти незаметный, будто город умывался перед чем-то важным. Утром Вера проснулась от непривычной тишины. В квартире было спокойно, но не так, как бывает утром, когда все ещё спят. Это была другая тишина — будто воздух стал плотнее, а звуки — осторожнее.

Она выбралась из кровати, потёрла глаза и пошла на кухню. Там стояли родители — оба в домашней одежде, но будто не собирались никуда. Михаил держал в руках газету, но не читал, а смотрел кудато сквозь неё. Валерия стояла у окна, держа в руках чашку, но не пила. Оба были какието… другие. Не сердитые, не уставшие — мрачные, как будто на их плечи легло чтото тяжёлое, чего Вера не могла увидеть.

— Мам? Пап? — тихо позвала она, останавливаясь в дверях. — А мы сегодня на дачу поедем? Или я с Лидой во дворе поиграю?

Михаил медленно сложил газету и посмотрел на неё так, будто хотел запомнить каждую чёрточку её лица. Потом подошёл, присел на корточки, чтобы быть с ней одного роста, и взял её руки в свои. Они были тёплые, но в них чувствовалась какаято новая твёрдость.

— Верочка… — начал он, и голос его звучал непривычно глухо. — Сегодня никуда не поедем. Сегодня… сегодня будет другой день.

Вера нахмурилась, пытаясь понять, что значит «другой».

— А что случилось? — спросила она, и в голосе её уже дрожала тревога, как у ребёнка, который вдруг понял, что взрослые не собираются улыбаться, как раньше. — Вы поссорились? Или… или я чтото не то сделала?

Валерия быстро подошла, присела рядом с Михаилом и притянула Веру к себе, крепко, но не сдавливая, так, как обнимают, когда хотят защитить от чегото, чего сами боятся.

— Нет, солнышко, — тихо сказала она. — Мы не поссорились. И ты ничего не сделала. Просто… просто мир сегодня проснулся другим. И нам нужно быть вместе. И быть сильными.

Вера посмотрела на них по очереди, потом перевела взгляд на окно, где солнце светило всё так же ярко, и вдруг поняла: чтото случилось там, за окном, в городе, в стране, в том огромном мире, который раньше казался ей просто местом, где живут люди, ездят трамваи и продают конфеты.

— А можно… — прошептала она, прижимаясь к маминому плечу, — можно я просто посижу с вами? И мы ничего не будем делать? Просто посидим, и вы расскажете мне чтонибудь… ну, как раньше. Про звёзды или про реку.

Михаил кивнул, провёл ладонью по её волосам и сказал:

— Можно, Верочка. Мы посидим. И я расскажу тебе про Неву. Про то, как она помнит всё, что было, и всё, что будет. И про то, что пока мы вместе, ничего по-настоящему страшного не случится.

Валерия прижала её крепче, а в глазах у неё стояли слёзы, но она не давала им пролиться — только шепнула:

— Мы рядом, Верочка. Что бы ни было дальше — мы рядом.

И в этой тишине, в этом объятии, в этих словах, сказанных не для того, чтобы успокоить, а чтобы признаться: «Мы боимся, но мы держимся», Вера почувствовала, как детство делает маленький, тихий шаг в сторону, уступая место чемуто новому — ответственности, памяти, умению быть рядом.

А за окном город уже начинал жить этим новым днём, и даже солнце, казалось, светило чуть строже, будто тоже знало: лето больше не будет таким, как раньше.

Глава 6

После того утра тишина в квартире стала другой — не бережной, как бывает, когда боишься разбудить кого-то, а напряжённой, будто дом прислушивался к самому себе. Вера сидела на кухне, прижимая к себе жестяную коробочку с камешками, и смотрела, как мама снова и снова перекладывает вещи из шкафа в шкаф, будто пыталась найти в этом движении какой-то правильный порядок. Папа стоял у окна, отодвинув занавеску на самый краешек, и смотрел на улицу, где трамваи шли как обычно, но люди на остановках стояли плотнее, говорили тише, и даже тени от тополей казались длиннее и темнее.

В дверь позвонили — резко, требовательно, не как сосед, который забежал за солью, а как тот, кто пришёл решать.

Михаил пошёл открывать, и в прихожую ворвалась бабушка — высокая, прямая, с седыми волосами, туго забранными в узел, и с таким взглядом, будто она уже знала всё наперёд и не собиралась тратить время на лишние слова.

— Что вы тут сидите?! — голос у бабушки был громкий, но не злой — скорее такой, каким говорят, когда от спешки дрожат руки. — Михаил, ты мужчина, возьми себя в руки! Окна надо заклеивать бумагой крестнакрест, чтобы, если взрывная волна, стёкла не посекли людей в щепки. Шторы нужны плотные, чёрные, чтобы ни одной полоски света на улицу не пробилось. И это только начало! Надо запасаться: едой, одеждой, дровами, если отопление встанет. Хоть углём, хоть мешками, хоть старыми одеялами — всё сгодится! Вы что, газет не слушаете? Город готовится, а вы тут…

Валерия подняла голову, и в её глазах мелькнуло что-то между обидой и облегчением:

— Мама, мы всё понимаем. Просто… мы думали, как Вере объяснить. Как ей это всё сказать.

Бабушка на секунду запнулась, будто только сейчас заметила Веру, которая сидела тихо, сжавшись, и крепко держала коробочку. Она подошла, присела перед ней на корточки — не так, как родители, мягко и с улыбкой, а строго, но с теплом в голосе:

— Верочка, солнышко, сейчас не до ласковых слов. Сейчас надо делать дело. Ты мне поможешь? Будешь подавать полоски бумаги, а я буду клеить. И ты сразу увидишь: когда работа есть, страх меньше.

Вера кивнула, хотя не очень понимала, почему страх должен стать меньше от бумаги на окнах, но ей хотелось, чтобы бабушка перестала так строго хмуриться, а мама перестала вздыхать.

— А я… я могу ещё камешки собирать, — тихо сказала она. — Они гладкие. Они ничего не режут.

Бабушка чуть смягчилась, провела ладонью по её волосам:

— Камешки потом. Сейчас бумага. И клей. И шторы. Надо, чтобы в комнате было темно, как в сундуке. Чтобы ни один луч не выскользнул.

Михаил наконец заговорил — спокойно, но твёрдо, как будто слова давались ему тяжело, но он всё равно их выталкивал:

— Мам, ты права. Мы немного растерялись. Сейчас возьмём бумагу. У меня в столе старые газеты есть.

— Газеты — это хорошо, — кивнула бабушка. — Но лучше плотная бумага. И клейстер сварить. Я сама сварю. А ты, Михаил, сходи в магазин, посмотри, есть ли тёмные ткани. Хоть мешковину, хоть старое одеяло — всё сгодится. И узнай, что с хлебом. Говорят, карточки вводят. Надо понять, как это будет.

Валерия встала, расправила плечи, будто сбросила с себя ту самую тяжесть, которая мешала двигаться:

— Я помогу с клейстером. И… я соберу немного еды в отдельный мешочек. На всякий случай. Крупу, сахар, если есть. И спички. Спички всегда нужны.

Бабушка посмотрела на неё долгим взглядом, потом коротко кивнула:

— Вот так. Не паникуем. Делаем по порядку. Порядок спасает.

Пока взрослые суетились, Вера сидела в углу и наблюдала, как мир снова меняется, но теперь уже не тихо, а громко, деловито, с хлопаньем дверей, шуршанием бумаги и короткими приказами бабушки. Ей было страшно, но страх этот был не как ночью, когда мерещится чудовище под кроватью, а как перед экзаменом, когда знаешь, что надо отвечать, и все вокруг тоже знают, и никто не будет смеяться, если ты запнёшься.

Когда бабушка начала клеить бумагу на окно, Вера поднесла ей длинную полоску:

— Вот. Она ровная. Я специально выбирала.

Бабушка взяла, посмотрела на неё и вдруг улыбнулась — совсем чутьчуть, так, что улыбка была почти незаметна, но Вера её увидела:

— Спасибо, Верочка. С ровными полосками и жить ровнее.

И Вера почувствовала, что она тоже нужна. Не просто чтобы её оберегали, а чтобы она помогала.

К вечеру окно было заклеено крестнакрест плотными полосами, комната стала сумрачной, будто солнце решило обойти их дом стороной. Бабушка повесила на карниз тяжёлую тёмную ткань, которую папа принёс из магазина, — она пахла пылью и старым чердаком, но бабушка сказала, что это запах надёжности:

— Теперь, если ночью будут летать, нас не увидят. Мы как мышки: сидим тихо, и нас не трогают.

Вера не очень хотела быть мышкой, ей хотелось быть большой и храброй, но она промолчала. Вместо этого она достала из коробочки серый камешек — тот, что «как дым, но блестит», если повернуть, — и положила его на подоконник, рядом с бумажной полосой.

— Это чтобы помнить, — прошептала она. — Что тут было окно. И солнце. И лето.

Мама присела рядом, обняла её за плечи:

— Мы всё будем помнить, Верочка. И лето, и солнце, и даже этот бумажный крест. Потому что это тоже наша история.

Папа сел с другой стороны, положил ладонь на её колено:

— И мы рядом. Что бы ни случилось, мы рядом.

Бабушка стояла у двери, смотрела на них и, казалось, хотела сказать чтото ещё, но только тихо вздохнула и тихо произнесла:

— Тогда ложитесь спать. Завтра день будет тяжёлый. Надо беречь силы.

И Вера легла, прижимая к се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.